

Цзян Шиянь вышел из душа после ледяного купания, но в номере никого не оказалось.

Дыхание перехватило. В голове на миг воцарилась звенящая пустота, а тело с головы до ног обдало леденящим холодом.

Глубоко вздохнув и пытаясь унять дрожь в одеревенелых пальцах, он схватил телефон и набрал Линь Чжоу.

После первых гудков никто не ответил. Цзян Шиянь нахмурился, его дыхание участилось. Заставив себя успокоиться, он набрал номер во второй раз.

Гудки тянулись бесконечно долго. И как раз в тот момент, когда Цзян Шиянь уже решил, что Линь Чжоу сбросит вызов, на том конце наконец ответили.

— Да, ты чего? — раздался недовольный голос Линь Чжоу, едва различимый сквозь многоголосый уличный гул и крики.

— Ты где? — Цзян Шиянь постарался, чтобы его голос звучал как можно спокойнее.

— Я... Эй, не толкайтесь! Мне три штуки, три... — Линь Чжоу явно был занят чем-то крайне важным посреди шумной толпы.

— Линь Чжоу?

— Подожди минуту, не торопи меня... — бросил Линь Чжоу и тут же повесил трубку, причём последние слова явно предназначались кому-то другому.

Цзян Шиянь откинулся на спинку дивана, помассировал переносицу и медленно выдохнул, пытаясь прийти в себя.

Даже если ему не хотелось этого признавать, сейчас он бессовестно использовал Линь Чжоу. Пользовался его слабостями, чтобы удовлетворить собственный эгоистичный голод.

Два года назад он бесцеремонно разорвал их связь, прикрываясь тем, что так будет лучше для самого Линь Чжоу, и единолично перечеркнул их прошлое.

И вот, спустя два года, история повторялась. Не считаясь с его чувствами, он упрямо шёл напролом, загоняя Линь Чжоу в угол и лишая всякого пути к отступлению.

В конечном счёте всё это делалось лишь ради себя самого.

Эгоизм чистой воды.

Линь Чжоу проскользнул в номер тише воды, ниже травы, бережно сжимая в руках два огромных пакета, будто воришка с добычей. Цзян Шиянь по-прежнему сидел на диване, невидящим взором уставившись в пустоту.

На улице стоял жуткий холод, но кондиционер в комнате был выключен, а окно распахнуто настежь, впуская ледяные порывы ветра. Сам же Цзян Шиянь сидел в одном банном халате.

— Ты совсем с ума сошёл? — Линь Чжоу бросил пакеты на стол, поспешно закрыл окно и включил обогрев. — Чуть дуба не дал, пока шёл.

Цзян Шиянь поднял на него глаза:

— И где ты был?

Линь Чжоу с сияющей улыбкой принялся развязывать пакеты:

— Ты так редко выбираешься ко мне. Вести тебя в ресторан слишком рискованно — сразу застукают. Так что я решил притащить всё самое вкусное прямо сюда. Попробуешь, чем я тут отъедаюсь все эти дни.

Линь Чжоу поочерёдно доставал контейнеры с едой, без умолку нахваливая каждое блюдо:

— Вот эта забегаловка с острыми раками с виду невзрачная, но готовят они просто отвал башки. А это шашлычки из другого места, особенно хороша запечённая рыба-сабля. И вот ещё — рыба в кислой капусте, пальчики оближешь...

— Я думал, ты ушёл. — Цзян Шиянь не отрывал взгляда от его спины.

— Ушёл? — Линь Чжоу недоумённо обернулся. — Это куда ещё?

«Уйти? Это куда ещё? Расплакаться из-за одного поцелуя и убежать, сверкая пятками? Нет уж, не на того напали».

Цзян Шиянь с трудом сглотнул и вдруг горько усмехнулся:

— Линь Чжоу, ты хоть сам знаешь, какой у тебя есть изъян?

— Изъян? — фыркнул Линь Чжоу. — Мой единственный изъян в том, что я чертовски безупречен.

— Ты слишком мягкотелый, — прямо высказал Цзян Шиянь.

Только теперь Линь Чжоу заметил, что его друг сам не свой. Он отложил контейнер, который пытался открыть, и внимательно посмотрел на Цзян Шияня. Лицо того было абсолютно бесстрастным, а в голосе не чувствовалось и намёка на шутку.

— С каких это пор мягкое сердце стало изъяном? — Линь Чжоу взял со стола банку пива и небрежно бросил ему. — Ты что, уже пьян без вина?

— А когда оно им не было? — Цзян Шиянь открыл пиво и сделал глубокий глоток.

Любая слабость, которой могут воспользоваться другие, автоматически становится изъяном.

— К чему ты клонишь? — Линь Чжоу сразу заподозрил неладное. Опять этот невыносимый собственник начинает свои капризы.

— Мягкосердечные люди всегда совершают одну и ту же ошибку: они жертвуют собой ради других, терпят обиды, а в итоге сами же и оказываются растоптанными. — Цзян Шиянь опустил глаза. Линь Чжоу только казался вспыльчивым грубияном, готовым взорваться по любому поводу, но на самом деле именно он прятал под этой колючей броней самое ранимое сердце.

Линь Чжоу нахмурился и потер мочку уха.

«Он что, в мелодраме снимается? С чего вдруг решил примерить на меня роль невинной жертвы?»

— Ладно, признаю, я добряк. Твоя взяла. А теперь, Генеральный директор Цзян, не соизволите ли вы подойти к столу и отведать ужин, ради которого я исходил половину района?

Линь Чжоу действительно обежал несколько кварталов и отстоял приличную очередь под угрозой быть узнанным разгорячённой толпой.

Цзян Шиянь тяжело вздохнул, медленно поднялся, подошёл к Линь Чжоу и, нависнув над ним, глухо произнес:

— А ты знаешь, что я без зазрения совести пользуюсь твоей добротой?

Линь Чжоу лишь прищурился, не говоря ни слова.

Цзян Шиянь придвинулся ещё ближе, уперев ладони в стол по обе стороны от него:

— Человеку всегда мало. Получая одно, он тут же начинает желать большего.

— Линь Чжоу, если тебе это не нужно, не потакай мне так легко.

Голос Цзян Шияня звучал хрипло, в нём сквозила затаённая обида и какая-то невыносимая, щемящая тоска, от которой невольно сжималось сердце.

Линь Чжоу поджал губы, на мгновение отвёл взгляд и тихо произнёс:

— Ну... тогда, может, мне уйти? И больше не встречаться.

Пальцы Цзян Шияня мгновенно сжались в кулаки, взгляд потемнел, а в голосе прорезались опасные, леденящие нотки:

— Что ты сказал? Повтори.

Линь Чжоу холодно усмехнулся, упёрся ладонью в его грудь и решительно оттолкнул от себя.

— Не знай я тебя с пелёнок, уши бы развесил, — хмыкнул он. — Кончай наглеть, Цзян Шиянь. Тебе в кино надо сниматься — Оскар за лучшую мужскую роль точно был бы твоим.

Тоже мне, мастер драмы и манипуляций. Нашёл дурака.

Линь Чжоу с размаху положил палочки на стол и буркнул:

— Ешь давай.

Цзян Шиянь не пошевелился.

— Не хочешь? — Линь Чжоу смерил его колким взглядом. — Тогда я всё это в помойку выброшу.

— Буду, — Цзян Шиянь покорно сел за стол, взял палочки и искоса взглянул на друга.

«Пытаешься переиграть меня? Слишком зелен ещё».

«Но в одном Цзян Железный молот всё-таки прав: я и впрямь слишком мягкотелый».

— Цзян Шиянь, с этого дня у нас будет уговор из трёх пунктов.

— Каких ещё пунктов? — Цзян Шиянь нахмурился.

— Без моего позволения ты не имеешь права... — Линь Чжоу осёкся, чувствуя, как щёки заливают румянец. Кашлянув, чтобы скрыть смущение, он торопливо выпалил: — Короче, целовать меня без спроса запрещено.

— А я и не целую без спроса, — Цзян Шиянь невозмутимо натянул одноразовую перчатку и принялся чистить рака. — И уж точно не делаю это «просто так». Всё максимально серьёзно.

Линь Чжоу лишился дара речи.

— В первый раз я перебрал с алкоголем. А в этот раз ты сам спровоцировал... — Он многозначительно пожал плечами, намекая на сцену у бассейна.

Линь Чжоу окончательно вспыхнул:

— Да я, блядь, на съёмочной площадке был! И всего-то руку тебе поцеловал! Если я дальше буду сниматься в сценах с поцелуями или в постели, ты меня что, в хлорке заставишь отмачиваться?!

— Я этого не говорил, — качнул головой Цзян Шиянь. — Можешь сниматься в чём угодно, главное, чтобы я этого не видел. Но раз уж сегодня я оказался свидетелем — это совсем другое дело.

Линь Чжоу лишь закатил глаза. В спорах с этим упрямцем он всегда оказывался проигравшим.

Решив не тратить нервы попусту, он потянулся к телефону и недовольно бросил:

— Ладно, ешь сам. Я пошёл к себе в отель.

Цзян Шиянь даже бровью не повёл и, не поднимая глаз от тарелки, ровным тоном произнёс:

— Я вчера посреди ночи поехал к твоей маме, помог ей приготовить ужин, а потом мы с Цзи Вэнем без сна гнали машину семь часов подряд, чтобы просто увидеться с тобой. А ты собираешься бросить меня здесь одного. Считаешь, это справедливо?

Линь Чжоу замер на месте и заскрежетал зубами:

— Ой, да неужели ты ради меня приехал? Скажи честно, тебе просто хотелось поглазеть на Фан Сюэцзя.

На губах Цзян Шияня промелькнула едва заметная довольная улыбка:

— Из твоих уст это звучит так, будто ты ревнуешь.

Линь Чжоу оказался в ловушке: уйти теперь не позволяла совесть, а оставаться было невыносимо. Он глубоко вздохнул и развернулся:

— Ты приехал только для того, чтобы доводить меня?

Они какое-то время молча смотрели друг на друга, после чего Цзян Шиянь мягко вздохнул:

— Давай просто выпьем вместе. Мы сто лет нормально не сидели.

Линь Чжоу, уже готовый взорваться, мгновенно сдуслся от этой простой фразы. Он подошёл к столу, открыл банку пива и сделал внушительный глоток.

«Чёрт, с ним даже поругаться нормально нельзя».

Цзян Шиянь положил горку очищенных раков на тарелку перед Линь Чжоу. Тот ломаться не стал и принялся уплетать их прямо руками, отбросив палочки.

Цзян Шиянь легонько чокнулся своей банкой о его и выпил почти до дна.

Линь Чжоу молча наблюдал за ним, делая небольшие глотки. Рядом с Цзян Шиянем он всё ещё чувствовал себя неопытным юнцом.

Поскольку днём Линь Чжоу плотно наелся, сейчас в него почти ничего не лезло. Цзян Шиянь в одиночку умял большую часть принесённого ужина, а Линь Чжоу лишь изредка составлял ему компанию за бокалом пива.

О недавней неловкой сцене у бассейна оба предпочли не вспоминать. Сейчас, оглядываясь назад, Линь Чжоу чувствовал себя полным идиотом.

Цзян Шиянь привёз с собой стопку документов: там были рекламные контракты и договор на съёмку для обложки крупного глянцевого журнала. Быстро выслушав краткие пояснения, Линь Чжоу, даже не вчитываясь, размашисто поставил свои подписи.

Видя, что Цзян Шиянь пребывает в глубокой задумчивости, Линь Чжоу решил не докучать ему

расспросами и ушёл в душ.

Когда он вернулся в комнату, Цзян Шиянь уже полулежал на кровати, листая что-то в телефоне.

Линь Чжоу недовольно хмыкнул:

— Чур, я сплю на кровати, а ты отправляешься на диван.

Цзян Шиянь даже не поднял головы:

— Не переживай, я и сам не горел желанием спать с тобой в одной постели. Ты вообще помнишь, как ворочаешься во сне?

— Эй! — Линь Чжоу запрыгнул под одеяло и шутливо пнул его ногой. — И что не так с моей манерой спать?

— Помнишь того хаски твоей тёти? Когда мы учились в старшей школе, он какое-то время жил у тебя. Ночью пёс залез к тебе под бок, так ты его за ночь трижды с кровати пинками сбросил.

Вспомнив эту глупую псину, Линь Чжоу невольно улыбнулся:

— Давненько я её не видел. Этот обормот совсем поумнел: теперь, стоит мне показаться на горизонте, сразу прячется.

— Даже собаки от тебя шарахаются, — поддел его Цзян Шиянь.

Линь Чжоу схватил подушку и принялся в шутку дубасить его:

— Проваливай! Сгинь с моих глаз на свой драгоценный диван!

Цзян Шиянь поднялся и выключил верхний свет.

В прихожей остался гореть неяркий ночник. Линь Чжоу перевернулся на бок, сквозь полумрак разглядывая силуэт на диване.

— Когда ты уезжаешь? — тихо спросил он.

— Завтра утром. В компании дел по горло. — Цзян Шиянь лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Усталость валила с ног, но засыпать не хотелось — безумно хотелось

подольше послушать этот родной голос.

Сдерживать себя и подавлять собственнические порывы становилось невыносимо. Ему хотелось привязать Линь Чжоу к себе, превратить его в личную вещь — в дорогие часы или кулон на шее, чтобы каждую секунду видеть, чувствовать и знать: он принадлежит только ему, и никто другой не смеет даже смотреть в его сторону.

Но в то же время он отчётливо понимал, что Линь Чжоу — самостоятельный человек со своими мечтами и целями. Он невероятно притягателен и ярок, и сковать его цепями эгоистичной любви попросту невозможно.

Больше всего Цзян Шиянь боялся, что однажды Линь Чжоу уйдёт слишком далеко, встретит кого-то другого, кто покажется ему гораздо важнее, и уйдёт навсегда, даже не обернувшись.

Разум и тёмные эгоистичные желания вели непрерывную войну внутри него, терзая душу тупой, изматывающей болью. И стоило Линь Чжоу скрыться из виду, эта боль вспыхивала с новой силой.

— Цзян Шиянь, — негромко позвал Линь Чжоу, подложив ладонь под щёку.

— М-м?

— Дай мне немного времени.

В комнате повисла долгая тишина, прежде чем с дивана донеслось тихое:

— Хорошо.

Сяо Жань вышел из душа и, открыв Вэйбо, тут же обнаружил Линь Чжоу в списке самых обсуждаемых тем.

[Линь Чжоу отбирает раков у фанатов на ночном рынке]

Сяо Жань недоуменно нахмурился и кликнул на хэштег. В топе висело несколько любительских снимков, сделанных кем-то в толпе у палатки с едой.

Линь Чжоу на фото был в глубокой кепке и маске, но его выразительные глаза с приподнятыми уголками, которые так очаровательно щурились при улыбке, невозможно было спутать ни с кем другим.

Комментарии под постом так и пестрели добродушным смехом:

[Простите-извините, от лица фан-клуба «Вёсла» приносим глубочайшие извинения. Наш Чжоучжоу снова стал всеобщим посмешищем, ха-ха-ха.]

[Наш Чжоу делом доказывает, что он обжора высшего разряда.]

[График съёмок такой плотный, а он всё равно выкраивает время, чтобы постоять в очереди за раками, а-ха-ха-ха... Ну и гурман...]

Сяо Жань хмыкнул. Если память ему не изменяет, их Босс сегодня как раз ездил на съёмочную площадку.

Вместо романтического свидания отправиться в очередь за раками — это вполне в духе Линь Чжоу.

Сяо Жань открыл фанатское сообщество, где творилось форменное безумие:

[Босс сегодня приехал на площадку, и Чжоучжоу тут же побежал за раками. Связь неочевидная, но я чувствую, что это намёк на свидание!]

[Девочки, у кого-нибудь есть фотки со съёмок? Подруга очень просит показать.]

[Я краем глаза видела какое-то размытое фото, но его сразу удалили. Где оно?!]

[Да какая разница! Один город — одна постель, они сто процентов уже вместе!]

[Полностью согласна с предыдущим оратором!]

Обсуждения стремительно катились в сторону рейтинга «восемнадцать плюс». Сяо Жань передёрнул плечами. Современные фанатки порой пугали своей безудержной фантазией.

В этот момент на телефон пришло личное сообщение.

[Мой пейринг настоящий: А-а-а-а-а-а, девочка, меня сейчас разорвёт! Наш шип реален! А-а-а-а-а!]

[Полуночный перекус Сяо Жаньжания: Да я сам визжу. Раз они в одном городе — это стопроцентный перепихон.]

[Мой пейринг настоящий: Да нет же, ты не рубишь фишку.]

[Полуночный перекус Сяо Жаньжания: В каком смысле?]

[Мой пейринг настоящий: Я... я... Господи, они реально вместе!]

[Полуночный перекус Сяо Жаньжания: Алло, у нас в пабlike каждая вторая кричит, что они вместе.]

[Мой пейринг настоящий: Да нет, я серьёзно! У меня реальный инсайд.]

[Полуночный перекус Сяо Жаньжания: Ну так поделись сладеньким, сестричка! Не томи.]

Сяо Жаню действительно стало любопытно, что ещё, кроме бурных фантазий, смогли раскопать эти неутомимые шипперы.

[Мой пейринг настоящий: Нельзя! Я не могу раскрыть карты. Но обещаю, настанет день, и ты всё поймёшь.]

[Полуночный перекус Сяо Жаньжания: Ну расскажи-и-и~]

[Мой пейринг настоящий: Хватит тут милашничать!!! Не скажу и точка. Всё, сестрёнка, давай спать, сладких снов!!!]

Сяо Жань разочарованно вздохнул.

«Не собирался рассказывать — зачем тогда душу травить? Бесит».

<http://bllate.org/book/18995/1959642>